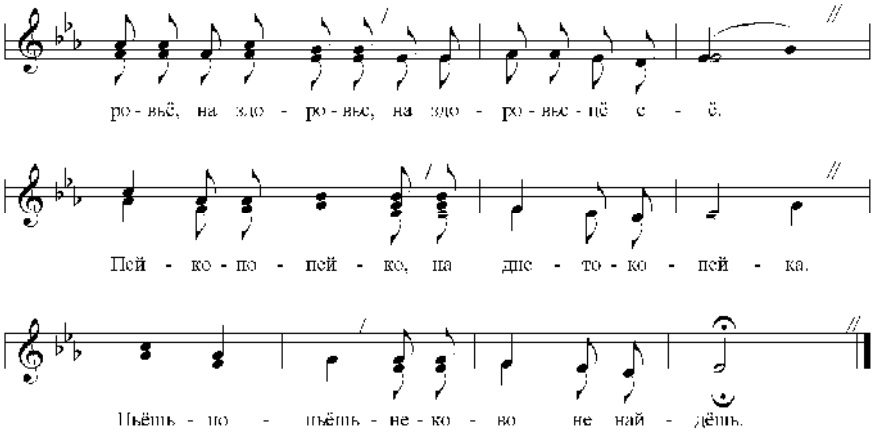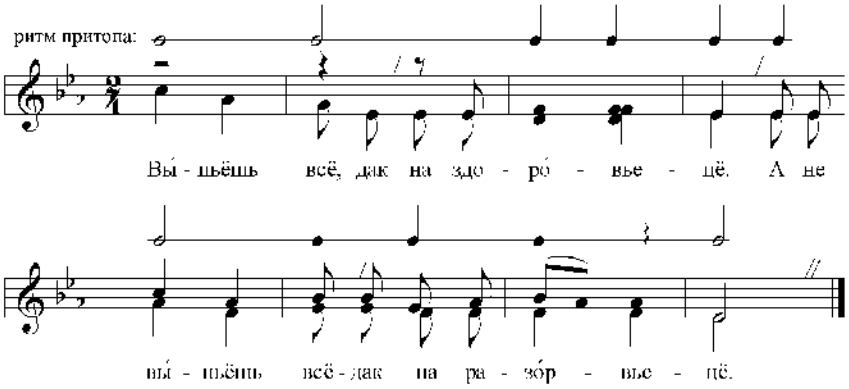

На окончание:

Великоустюгский р-н, д. Чернево, 1771-39

УДК 784.4

Г.П. Парадовская

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРАЗДНИЧНОГО ЗАСТОЛЬЯ В БРАТЧИНЕ

Статья выполнена в рамках гранта «Федеральная целевая программа "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 годы», лот № 2012-1.2.2-12-000-3004-4292

В статье анализируются структура и семантика праздничного застолья в братчине, рассматриваются обрядовые функции совместной трапезы, роль и место фольклорных текстов.

Обряд, праздничное застолье, семантика, фольклорный текст.

The article analyzes the structure and semantics of the holiday feast in bratchina and considers ceremonial functions of eating together, the role and place of folklore texts.

Ceremony, holiday feast, semantics, folklore text.

Традиционный народный праздник является важнейшим общинным действом, направленным на обновление мира и преобразование старого в новое – «природы» в «культуру», ключевую роль в этом играет **обрядовая трапеза**. По мнению исследователей, она может рассматриваться в качестве одной из основных форм **жертвоприношения**, при этом участники застолья служат посредниками в передаче жертвенной пищи божественному адресату, в частности, на это указывает внутренняя форма слова «жертва», производная от слова «жьръти» [2, с. 208]. Отмечается также, что в устной народной традиции XIX – XX вв. у южных и восточных славян слово «жертва» встречается редко. На русском Севере распространен термин «обет» («обещание») [2, с. 209]. В. Я. Пропп указывает на то, что, еде приписывали

особое значение во время обрядовых праздников: «… зерно обладает свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя – растение – семя составляют извечный кругооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни. Путем еды к этому процессу приобщаются люди» [1, с. 20].

Обрядовые функции совместной трапезы и ее ритуальный характер сохраняются во многих традициях и культурах. На то, что предков мыслили сидящими за одним столом с живыми, указывает многие исследователи. В.Я. Пропп приводит сведения о традиции римлян отдавать первый кусок пищи и первый глоток напитков обожествленным предкам – ларам или пенатам [1, с. 21]. Еда, трапеза – прием пищи, имеющий повседневный или праздничный характер. У славян, как и многих других народов, трапеза обставлялась как своеобразный ритуал, призванный выявить внутреннюю структуру коллектива и утвердить солидарность его членов перед лицом высших сил [3, с. 176].

Совместное застолье как центральный компонент братчины обладает рядом собственных значений. В основе народных представлений, распространенных в вологодских традициях, лежит идея о том, что любая коллективная трапеза – это священный акт, направленный на воссоединение с божественными силами и предками-покровителями. В связи с этим раскрывается особое значение трапезы в повседневной жизни крестьянина, которая включает следующие обрядовые действия:

– обязательное **моление** и **поминовение умерших** перед едой: «Царство Небесное папе, маме. Помяни, Господь, дай, Господь, Царство Небесное. Земля пухом, рай Господнёй» (В.-Уст., ЭВФ 106-41[1]);

– **призывание божественных сил** и «**родителей**» **к трапезе**:[2] «Все святые угодники, со мною хлеба кушать. Бог, Христос, Пресвятая Богородиця и все честные родители, с нами хле`ба кушать» (Нюкс., 1268-05);

– символическое **«кормление» святых покровителей** и «**родителей**», **просьба о содействии**: «...Садитесь с нами хле`ба кушать. А я стану работать – мне помогайте» (Нюкс., 1268-04);

– **благодарение Богу** по окончании трапезы: «Благодарю Господа Бога – напоиу, накормиу» (Нюкс., 1268-07).

Важной особенностью будничного застолья является наличие поведенческих установок и связанных с ними примет, указывающих на обрядовый статус производимого действия:

– стол перед едой крестят: «Сажусь за стол, стол крешшу: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа”» (В.-Уст., ЭВФ 106-41);

– во время трапезы особым образом ведут себя за столом: не разговаривают, держатся чинно и торжественно.

Существует ряд запретов, основанных на представлении о непосредственном присутствии «родителей» на трапезе и об их влиянии на благополучие семьи (здоровье, достаток в доме):

– нельзя класть локти на стол, поскольку рядом «сидят родители»;

– нельзя стучать по столу и просыпать соль, иначе «прогневишь предков»;

– нельзя обедать за непокрытым скатертью столом, сбрасывать крошки со стола на пол, сметать их голой рукой – в противном случае жизнь будет несчастливой («голодной»).

Фиксированное положение обеденного стола – в «красном углу» дома[3] – ополняется номинацией – **«стол-престол»**, что позволяет проводить аналогии с церковным престолом, стоящим в алтаре, или с престолом как символом царской власти. Стол в «красном углу» служит не только местом проведения ежедневных семейных трапез, но выделен в структуре ритуалов как самое почетное место в доме. За этот стол выводят молодых после венчания во время свадебного пира. Известно значение стола в похоронно-поминальной обрядности: на лавку или стол кладут умершего, здесь же совершается поминальная трапеза. Кроме этого, стол, накрытый скатертью, символизирует единение семьи и рода.

Значение стола как ритуального объекта усиливается семантикой «хлеба-соли» – одного из символов жизненного благополучия. После окончания ежедневной трапезы каравай хлеба и солонка, накрытые одним из концов скатерти, остаются на столе до следующего застолья. Это является признаком достатка в доме и одновременно его обеспечивает (Усть., 973-45).

По экспедиционным материалам из Вологодской области для обрядовой трапезы, как центрального компонента братчины, характерны следующие нормативы:

– **праздничное время** – после церковной службы и поминовения умерших;

– **ритуальное пространство дома** (накрытый стол в «красном углу»);

– **определенный состав участников застолья, выделение «чинов»**: хозяева, гости, пивовар, «непрошеные гости»: «сычи», «захребетники», нищие;

– **порядок распределения** мест за столом между участниками – соответственно их семейному или общественному статусу (в «красном углу» усаживали хозяина дома или самых почетных и уважаемых в деревне людей, при этом женщины размещались на «поперечной» лавке, мужчины – на «продольной»;

[1] Здесь и далее приводятся номера по экспедиционным фондам (ЭАФ, ЭВФ) Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. В статье используются следующие сокращения: Нюкс. – Нюксенский район, В.-Уст. – Великоустюгский, К.-Гор. – Кичменгско-Городецкий, Баб. – Бабушкинский, Ник. – Никольский районы Вологодской области.

[2] Под именем «родителей» почитались все умершие члены рода.

[3] «Красный угол» («сутний угол») – угловое место в избе, где находятся иконы и располагается обеденный стол.

старики, как правило, рассаживались в конце столов, ближе к выходу).[1]

Большое значение имеют способ организации и характер проведения праздничной трапезы, заключающиеся в регламентированном местной традицией наборе обрядовых блюд и напитков, порядке их выноса и подачи на стол, формах угощения, а также в приуроченности к тому или иному моменту разнообразных фольклорных текстов: призывание гостей «к чарочке», величание участников застолья, припевание семейных пар, благопожелания и др.

К братчине готовится специальное угощение. В вологодских деревнях обязательными для праздничного стола являются:

– **изделия из теста**: рыбники («кулебаки»)[2] (К.-Гор., 1063-01, 02); пироги из белой муки, как правило, украшенные выпечными орнаментами (так называемые, «витушки» – Нюкс.); сладкие пироги, «пряжоники» (К.-Гор.); блины, гороховые «сочни» (Нюкс.);

– **другие блюда**: «селянка», тушеное мясо, вареные яйца и др.;

– **напитки**: пиво как основной напиток праздничного застолья, а также сусло (пивной отвар без хмеля), пиво с толокном («тяпушка»), овсяный кисель.

Существовал особый порядок подачи блюд на общинный стол. Так, например, кисель всегда выносили в момент окончания трапезы – «на разгон»: «А вот когда раньше варили там пиво к какому празднику, в конце вечера подают если кисель – дак уж можно собиратце домой. Значит, это уж последнее блюдо поставили, всё. Кисель раз уж принесли на стол, дак надо уходить» (К.-Гор., 1054-15).

Угощение пивом является главным событием праздничного застолья в братчине. Рассмотрим основные компоненты этого действия.

Церемониальный характер выноса и подачи пива связаны с выделением специальных ритуальных чинов – **«пивоноса»**, **«подавшего»** (К.-Гор., 1727-18), «**чашника»** (Баб., 23-11): «Это человек отдельной, он следит за пивом, штобы кто-то не похитил ево» (К.-Гор., 1049-06). Выполнять функции «пивоноса» мог сам **пивовар**: «Дак кто вот варил – дак он это пиво выносит. Уже там он и заведует им, пивовар. Он хозяин над пивом. Он выносит, а тут за столом, значит, “подавший” есть – опять подаёт» (К.-Гор., 1182-02). Особый статус «пивоноса» как распорядителя братчины подчеркивается деталями наряда – ему повязывают полотенце таким же образом, как тысяцкому или дружке на свадьбе (К.-Гор., 1052-24).

Ритуал обнесения пирующих пивом опирается на один из универсальных обрядовых принципов организации движения – по кругу: «Яндова` медная, нальют сколько (вот, помню, у нас большушшая яндова` была – на литра два, наверно). Эта яндова` и **ходит по кругу**, все пьют и из этой яндовы` вообще. <...> Пьёшь, не пьёшь, а всё равно, вот – бери яндову` <...> [и] передавай дальше» (В.-Уст., 1756-15). Знаковый характер приобретает направленность движения ритуальной чаши с пивом – «по солнцу»: «Как солнышко идёт, так вот так и подают – как по солнышку (всё обычно говорят – по солнышку)» (К.-Гор.,1182-02). Значение графики движения в его пространственной реализации проявляется в наименовании – «круговая чара».

Соответственно, пиво подают участникам братчины в определенном порядке – согласно их месту за столом. Первому подают чашу с пивом **хозяину**, сидящему в «красном углу» дома, с приговором: «Хозяину сначала выпить», после чего тот передает напиток **старшему из родни** и далее – всем поочередно. Опустошенную пивную чашу переворачивают вверх дном, целуют донышко и ставят ее на голову, что также имеет знаковый характер – окончание ритуального действия (Ник., 113-30).

Подношение пива могло происходить также во время круговой пляски, что непосредственно указывает на смысло-содержательные связи различных сторон обрядового события и художественных форм. В этом случае пиво подает любой из гостей: «Раз пиво обшшоё – не то, что хозяйка подаёт, а кто взял чайник, стакан, [тот и] ходит – наливает» (В.-Уст., 1237-56).

Семантика трапезы в обрядово-праздничном комплексе братчины дополняется символической характеристикой предметов, используемых для совершения ритуала. Главным атрибутом застолья является **пивная чаша**, многообразные местные названия и формы которой имеют символическое значение. Ее основными названиями являются: **«братыня»** (медная чаша, распространена повсеместно[3]), а также: **«чара»** или **«чарушка**» (Ник.); встречаются: **«ендова`»** (К.-Гор.), **«белушка»**, **«белушечка обедная», «пи`санка»** (Ник.). В ряде мест пивная чаша называлась **«молцянкой»**[4], **«чашечкой–молчаночкой»** (Нюкс.). Общий набор наименований дополняют: **«ставцы` изукрашенные**» и **«ставчики»** (К.-Гор.).

К наиболее архаичным видам пивной посуды относятся деревянные расписные чаши самых разных размеров и форм.[5]

Особого внимания заслуживают деревянные изогнутые двойные чаши в виде «лебедей» – «конюшки», как называют их в Костромской области, где они были наиболее распространены: «Были эшшо: вот такая двойнушка вот у нас <...> – две вместе, одна дужка, а в серёдке-то стенки, две дыры там сделаны. <...> Тут велят-то одну выпить-то, а выпиваешь-

[1] В будничной трапезе соблюдался такой же порядок, за исключением особого положения «большу`хи» (хозяйки дома). Ей не полагалось сидеть за столом, так как в обязанности хозяйки дома входило угощение всех присутствующих на трапезе – принос кушаний и т.д.

[2] Пирог с запеченной в нем цельной рыбой.

[3] Артельное производство и продажа медных «братынь» широко практиковалось в данной местности.

[4] Небольшая братыня на 1 литр.

[5] Деревянные чаши (объем от 1 до 5 литров) были распространены в следующих районах Вологодской обл.: Великоустюгском, Кичменгско-Городецком, Никольском; районах Костромской обл.: Вохомском, Павинском, Октябрьском.

то обе <…> – для шутки» (К.-Гор., п. Устье-Харюзово). Своеобразную форму имели двойные и тройные глиняные чаши с «пикушкой» (свистком) в виде птицы: «Пивные чаши для шутки слепят три в одну. Выпьет – посвистит» (Ник., д. Фомино). Использование подобных «пикушек» в ритуале братчины, несомненно, связано с семантикой звукового кода праздничного застолья, фиксирующего выход на уровень необычного, сакрального действия.

Центральный момент в ритуале – угощение пивом – отмечен обязательным исполнением специальной припевки, которая повсеместно именуется «Чарочкой».

К особому виду фольклорных текстов, исполняемых во время праздничного застолья в братчине, относятся сопутствующие ритуальным действиям словесные формулы заклинательного и молитвенного характера. Эти краткие вербальные тексты являются необходимым промежуточным звеном в системе отношений «ритуал – обрядовый приговор – обрядовая песня», дополняют содержательный план обряда и способствуют образованию единого в эмоционально-смысловом отношении ритуального времени и пространства.

Императивно-действенная функция приговоров формульного характера обозначена в следующих комментариях народных исполнителей: «А вот заставляют, дак всё и пьёшь. Не всяк сможет такую тоже выпить, так ведь там уж и ждут, и стоят над душой: “Давай-давай, там ещё немножечко осталось!” да “Давай, там ещё! Давай-давай!” – тут всяко разно начинают. Это да, пить станёшь, дак там и начинают: “Пей до дна, пей до дна – не видать добра!”» (К.-Гор.,1182-02).

Основные группы приговорных формул, которые воспроизводятся в обрядовой ситуации «вкушения пива», представляют собой различные типы заклинаний императивного, констатирующего и утвердительного характера, в том числе имеющие форму простейшего сравнения, образной параллели или диалога:

– «Пей давай! Выпивай всё!» (К.-Гор., 1058-32); «Выпейтё, выпейтё, угошшайся!» (Под., 1740-19); «Пей до дна! Пей до дна!» (Ник., 792-07); «Не пьёшь – дак выливай!»;

– «Пей до дна – не видать добра!» (К.-Гор., 1183-23); «Пейтё на здоровьё!» (В.-Уст.);

– «Чашечка-каток покатилася в роток» (В.-Уст.); «Бежит водиця по песочку, выпиваем по разочку!», «Колокольчик под дугой, дак и выпьём по другой» (К.-Гор., 1058-26); «Щтё пито – щтё лито» (К.-Гор., 1052-09);

– «Села сорока на гвоз[д]ь – как хозяин, так и гос[т]ь!» (В.-Уст., 1733-17); «Как подавший, так и все!» (В.-Уст., 1733-17); «Как подавший выпьёт, так и гос[т]ь будет пить!» (К.-Гор., 1727-02);

– «Ты, рюмоцька, откуда? – Из Ростова. – Так я тебя опростаю, христова. – Опростай меня, христовой» (К.-Гор., 1265-32).

Насыщенный комплекс празднично-обрядового действа братчины включает также обычаи ряженья, ритуальные бесчинства, разнообразные формы смеховой культуры. Обряды ряженья генетически связаны с тотемическими представлениями, культом предков и функционально определяются магией продуцирующего типа. Необходимо подчеркнуть важность включения персонажей ряженых в обрядовое действие на второй день пивного праздника, приход их на пир, ритуальные бесчинства, пляски на улице. Тем самым в обряде обозначается ощутимая граница, символически разделяющая старое «изжившее» и наступившее «новое» время. Ритуальное поле братчины маркируется закрепленным составом ряженых: «Старик», «Старуха», «Нищенка», «Мужик», «Баба», «Цыган», «Цыганка», «Пужало», «Человек до потолка», «Лошадь» и др.

Приведем несколько описаний, в которых раскрывается образный ряд ряженья и система связанных с ним ритуальных действий.

«Это и ходили – снарядятця всяко. Наряжались и мужшыны – “женшынам”, и “цыганки” ходили гадали (и шапку возьмут у мужика, за лица гадают – всё, это придут). Ходили это с братчины в братчину» (Окт., 956-01). «Раньше наряжались у пивов. Этово – шутят. Шутили, штобы больше смеху, видишь, было» (К.-Гор., 2769-34).

«У нас этака вот братчына была вот в этом – в избе (у меня две избы было). Да один лошадь завёу. <...> А высокая лошадь-та ведь вороная была, Пашко Давыдков и завёу её. Ой, крику туто-ка, шуму-ту над лошадью-ту!» (д. Емельянов Дор); «Белое накинула – как смерть. Взяла одново мужика, поволокла» (д. Надеевщина); «Сажей намажутся – можно с ума свести! Ведро деревянное взял, весь в белом: “Здраствуйте!”. А все заревили – испужалися!» (К.-Гор., 1332-44).

Ряженье во время пира подчеркивает идею соприкосновения мира живых и мира «родителей», так как символизирует в образной форме приход воскресших предков, их кормление – задабривание. Это находит выражение в подчеркнутых коммуникативных связях: ряженые активно включаются в диалоги с гостями, пляшут вместе с ними, разыгрывают шуточные сцены; ряженых также угощают пивом.

Отмечая «сюжетное» сходство ритуальных действий со святочными обрядами (общий «драматургический» план в развитии обрядовых сцен) и аналогичный набор персонажей ряженья, в то же время подчеркнем явно выраженную «праздничную» манеру поведения ряженых на братчине, основная задача которых – развеселить присутствующих на пиру, приняв участие в общем действии.

Продуцирующее значение имеют внешний вид (опоясывались вышитым «платом»,[1] привязывали «банник»,[2] «колокольцы» – «чтобы брякали»), манера поведения ряженых (неприличность их одежды, непристойность шуток), характер производимых ими

[1] «Плат» – особым образом украшенное полотенце.
[2] «Банник» – березовый веник.

действий: «наряжонничик» (мужчина) катает по полу женщин («какая выйдет плясать, ту и валит», «на ёй и катается»), целует и т.п. (К.-Гор., ЭВФ 214-12). Реакция присутствующих гостей всегда однозначна – «смеютца» (К.-Гор., 1063-01).

Особые формы обрядовой пляски ряженых во время праздничного застолья («пляшут до потолоку», «скачут») связаны с ритуальным бесчинством: «У нас одна накинула фартук мамин и в фартук нагребла уголья. <...> А другая – пепелу. А другая взяла ковш воды. Пошли плясать. Она эти уголья трясёт потихоньку, а взади воды плёшшут, и подняли пыль с копытью! <...> Вот эдак по всей деревне и обойдём, у всех и напокастимся. Навредить чтобы, напокостить. Как пойдет плясать, так у неё и рассыплется, взади эшшо и растопчут. Смеху было!» (В.-Уст., 1334-23).

Семантика ряженья отразилась в образно-поэтическом содержании художественных форм, сопутствующих действию. Интересна система обозначений, определяющих характерность и функциональную направленность песенных текстов, исполняемых ряжеными: «смешные песенки»; «какиё-набудь интересные писни», «матюжные»; «шутят с припевкам» (К.-Гор., ЭВФ 214-09; 1318-25). Сюжетно-тематическое содержание песен касается нескольких смысловых планов: отражение брачной тематики, отражение смехового «перевернутого» мира, благопожелания, связь с акциональным рядом братчины (характеристика действия):

Мы у этова хозяина
Вино и пиво пьём,
Мы за кажную за рюмочкю
Отпляшем, отпоём
(К.-Гор., ЭВФ 214-11).

Таким образом, фольклорные тексты дополняют и раскрывают семантику обрядового поведения ряженых на пиру как представителей «иного» мира и непосредственно отражают ритуально-процессуальную сторону действия.

Рассмотренный комплекс ритуальных действий и выявленные при этом художественные формы позволяют составить целостное представление о праздничном застолье в братчине, которая выступает как сложная фольклорно-этнографическая система, в основе которой лежат древние мировоззренческие представления об окружающем мире. При этом именно художественные формы, выступая в качестве ведущих структурных элементов целого, придают происходящему действию обрядовый статус.

Литература

1. *Пропп, В.Я.* Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографическуого исследования / В.Я. Пропп. – М., 2006.

2. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 2: Д–К (Крошки). – М., 1999.

3. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.

УДК 78.07

Н.А. Соболева

О ВНЕДРЕНИИ НОВЫХ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (на примере обучения дирижированию)

В статье рассматривается сущность художественной техники дирижирования, под которой понимается «целостное исполнительское поведение дирижера», внедрение данного понятия в педагогический процесс и исполнительскую практику.

Дирижерское исполнительство, целостное исполнительское поведение дирижера, художественная техника.

The article deals with the essence of artistic technique of conducting, which is defined as «a holistic performing behavior of the conductor», the introduction of this concept into the educational process, and performing practice.

Conducting performance, holistic performing behavior of a conductor, artistic technique.

В настоящее время в связи с переходом на уровневую систему особенно остро встает проблема качества знаний выпускников высших учебных заведений. Не является исключением и музыкальное образование, в том числе обучение дирижированию будущих учителей музыки, руководителей детских хоров и студий, дирижеров-исполнителей. Целью данной статьи является попытка рассмотреть роль и значение новых научных знаний, которые могут способствовать формированию исполнительских качеств студентов в процессе обучения дирижированию.

Слово «дирижирование», произошло от французского глагола *diriger*, имеющего в переводе несколько значений: направлять, управлять, править, руководить, регулировать. Глагол же этот, в свою очередь, произошел от латинской глагольной формы «*dirigo*», что означает «направлять». Соответственно и производные слова можно понимать соответственно: «дирижирование» – как управление, руково-